

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/6

Походные записки русских офицеров о войне 1812 года: проблема авторства

Наталья Владимировна Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Аннотация

Характеризуются военные травелоги о войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. в аспекте проблемы автора. Выявляются способы авторского присутствия в тексте травелога, анализируется соотношение «биографического автора» и субъекта повествования. Определяется специфика нового типа рассказчика – «русского офицера» в сопоставлении с популярным типом «русского чувствительного путешественника», характерного для «карамзинского канона». Выделяется и характеризуется типология субъектов повествования в военных травелогах 10–20-х гг. XIX в., представленная следующими вариантами: «сентиментальный русский офицер», патриот, восторженно описывающий подвиги воинов; «сторонний военный наблюдатель», фиксирующий свое внимание в большей степени на путешествии, реакции мирных людей на военные события, на собственных чувствах и впечатлениях; «частный человек на войне», рефлексирующий о том, как меняет человека историческое событие, как сам человек воздействует своими поступками на ход истории, какое влияние оказывает на человека путешествие в другую страну в роли военного.

Ключевые слова

автор, травелог, русский офицер, повествование, тип рассказчика

Для цитирования

Константинова Н. В. Походные записки русских офицеров о войне 1812 года: проблема авторства // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 85–97. DOI 10.17223/18137083/84/6

Field notes of Russian officers about the War of 1812: the problem of authorship

Natalia V. Konstantinova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Abstract

The paper characterizes military travelogues about the War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814 in the aspect of the authorship problem. The focus

© Константинова Н. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 85–97
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 85–97

is on three texts that provide a better representation of various ways of describing military events by narrators. These are “Pohodnye zapiski artillerista (Field notes of an artilleryman), 1812–1816” by I. T. Radozhitsky, “Pisma russkogo ofitsera (Letters of a Russian officer)” by F. N. Glinka, and “Pokhodnye zapiski russkogo ofitsera, izdannye I. Lazhechnikovym (Field notes of a Russian officer published by I. I. Lazhechnikov)” by I. I. Lazhechnikov. The analysis evaluates the ratio of the “biographical author” and the subject of the narrative. A new type of narrator, the “Russian officer,” is specified versus the popular type of the “Russian sensitive traveler” characteristic of the “Karamzin canon.” The types of the subjects of the military travelogue narrative of the 10–20ies of the 19th century are identified and characterized. These are: “sentimental Russian officer,” a patriot, “an outside military observer,” and “a private man at war.” A detailed description of these types is provided. On the one hand, they are defined as variants of the type presented in the “Karamzin canon.” On the other hand, they are regarded as fundamental innovations of the authors of travelogues, demonstrating the specificity of the evolution of the genre in the 19th century.

Keywords

author, travelogue, Russian officer, narrative, type of narrator

For citation

Konstantinova N. V. Field notes of Russian officers about the War of 1812: the problem of authorship. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 85–97. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/6

На фоне безусловной популярности в начале XIX в. травелогов о путешествии в Европу выделяются произведения, посвященные важнейшему историческому событию – войне с Наполеоном. Путевые записки русских офицеров, в которых освещались военные действия 1812 года, заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., стали значительным явлением в эволюции литературы путешествий этого периода, повлияли на возникновение нового типа – военного травелога. В них отражается совершенно иной взгляд и на само событие путешествия, на способ его описания, и на характеристику европейских стран. Именно в этот период появляется множество военных травелогов, авторами которых были непосредственные участники военных действий, очевидцы. Их произведения, как правило, в своей основе содержали реальные «подневные записки» или дорожный дневник, с точным описанием не только событий, но и впечатлений, чувств, мыслей автора. В качестве жанровых номинаций, обозначенных в названии, использовались следующие варианты: походные записки, письма, воспоминания, журнал. К наиболее устойчивому компоненту военного травелога можно отнести и выделение новой фигуры рассказчика – субъекта повествования как русского офицера. Такая номинация демонстрировала, во-первых, очевидный патриотический настрой «биографического автора» травелога, выражала специфику его национального самосознания, во-вторых, определяла существенное отличие от популярного в то время типа рассказчика – «русского путешественника» («чувствительного путешественника»), представленного в «карамзинском каноне», в-третьих, представляла установку на документальность, стремление выразить в структуре повествования о военных событиях точку зрения очевидца, непосредственного участника, воина, что воплощалось в указании статуса – офицер, артиллерист, адъютант. Публиковались такие травелоги обычно частями в журналах «Сын Отечества», «Отечественные записки», «Московский телеграф», «Военный журнал», а впоследствии авторы печатали свои походные записки отдельным из-

данием. Наиболее репрезентативными ¹ примерами таких травелогов являются «Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год» И. Т. Радожицкого (1835) ², «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки (1870) ³, «Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым» И. И. Лажечникова (1836). В аспекте проблемы автора эти тексты представляют разные установки рассказчика на описание военных событий.

«Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки становятся в последующей традиции развития военного травелога своеобразным «прецедентным текстом», на который, так или иначе, ориентируются авторы. Сразу обращает на себя внимание выбор формы – письма, а также номинация субъекта повествования – «русский офицер». Фактически название дублирует вариант травелога Карамзина, меняется лишь одно слово – путешественник превращается в офицера. В этой номинации сохраняется очевидная установка на достоверность, близость субъекта повествования к «биографическому автору». Действительно, как и в случае с Карамзиным, травелог Глинки имеет биографическую основу. В 1805–1806 гг. Глинка состоял адъютантом при генерале М. А. Милорадовиче, участвовал в сражении «трех императоров» при Аустерлице 2 декабря 1805 г. Выйдя в отставку, в 1808 г. опубликовал «Письма русского офицера» – записки о военных кампаниях 1805–1806 гг. В 1812 г. опять поступил в армию адъютантом к Милорадовичу и находился в походах до конца 1814 г. Участвовал в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже и Баутцене. Вернувшись в Россию, в 1815 г. переиздал военные записки с дополнениями – «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год». Уже в Предуведомлении к «Письмам русского офицера» Глинка помещает диалог, в котором ведется дискуссия о том, надо ли что-то редактировать в записках, созданных непосредственно во время реальных военных действий «биографическим автором» – участником сражений, русским офицером. В этом разговоре нарочито выделяется мнение, которое и выражает в большей степени специфику повествования в тексте Глинки: «Оставьте нетронутым все, что написалось у вас, где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Представьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать!» (Глинка, 1870, ч. 1, с. 2). Высказывание очевидно моделиру-

¹ Военные травелоги, которые представляют собой подробное (в нескольких частях) описание военных событий не только 1812 года, но и заграничных походов 1813–1816 гг.

² Записки, изданные в 1835 г., ранее печатались в журнале «Отечественные записки» 1823, 1824 и 1826 гг., а также в «Московском Телеграфе» 1831 г.

³ Первое полное издание: Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкою. В типографии С. Селивановского. М., 1815–1816. Ч. 1–8. Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки // *Источниковедение отечественной истории*: 1981. М.: Наука, 1982. С. 190–208. В этой работе также указано, что до издания 1815–1816 гг. фрагменты «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки печатал в журналах: «Русский вестник» (1814. № 10. С. 51–57); «Вестник Европы» (1815. № 14. С. 126–130); «Сын Отечества» (1815. № 24. С. 163–181; № 27. С. 30–37; № 50. С. 161–178; 1816. № 25. С. 209–218).

ет авторскую установку⁴ на создание определенного типа / варианта субъекта повествования: рассказчик – «фронтальной офицер» – противопоставлен «историку», «сухое официальное изложение» – тому, «как виделось, мыслилось, чувствовалось». «Спонтанность» записей («все, что написалось у вас, где случилось, как пришлось») принципиальна, так как выражает причастность рассказчика описанным событиям, характеризует его также как патриота, способного на самопожертвование.

Возникает иной тип путешественника – «русский офицер», действующий не по своей воле, но сохраняющий задачу показать свои чувства, впечатления, а не только передать сведения, зафиксировать информацию. В процессе фиксации впечатлений субъект повествования пользуется разными точками зрения, меняет фокус изображения событий – от внешнего наблюдения до точки зрения соучастника событий, включенного в общее «видение»: «Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. *Смерть* (курсив – Ф. Г.) все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут *целыми обществами* переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом!» (Глинка, 1870, ч. 1, с. 68). В этом показательном фрагменте переход от формы повествования Я к МЫ подчеркивает двойственность сознания субъекта описания – непосредственного участника событий и наблюдателя, способного философски размышлять о страшных перипетиях в судьбах людей, что позволяет автору создать эффект «многомерной» оптики восприятия события через включенность индивидуального во всеобщее, коллективное. Образ «русского офицера» показан, с одной стороны, как частное индивидуальное лицо («сегодня смеемся с другом»), с другой стороны, как часть целого («целыми обществами»), в котором нивелируется индивидуальное в контексте глобальных исторических событий.

Стоит обратить внимание и на фрагмент описания слияния двух рек Буга и Наревы, в котором способ изображения ситуации моделируется с точки зрения разных ролей пишущего субъекта, обозначенных им в тексте: стихотворец, воин, историк, путешественник. Позиция стихотворца выражает мифопоэтическое восприятие ситуации – слияние двух рек и их дальнейшее поглощение более мощной рекой описано как воссоединение двух влюбленных и их скорая погибель, для воина реки – это два друга-витязя, бойца, которые вместе погибают, оказываются в одной могиле, что характеризует их верность дружбе, способность к самопожертвованию на поле боя; в интерпретации историка в этом быстром разрушении единства, скором изменении целостности природного явления символически воплощается недолговечность торжества славы Наполеона; путешественник же объясняет всё предельно объективно, выделяя в качестве причины особенности почвы. Таким образом, выделенный эпизод становится примером «творческой лаборатории» автора, который в своем повествовании, с одной стороны, соотно-

⁴ О том, что это моделируется автором «Писем русского офицера» становится понятно из указаний Е. Р. Пономарева по поводу достоверности записок: «Как показал А. Г. Тартаковский, в основе “Писем русского офицера” действительно лежит современный событиям дневник, однако в дальнейшем дневник подвергся серьезной ретроспективной обработке, окончательной редакцией которой и стало издание 1815–1816 гг.» [Пономарев, 2011, с. 163].

сит разные модели описания одного и того же объекта действительности, с другой стороны, показывает, как влияет выбранный тип рассказчика, его точка зрения на интерпретацию объективной реальности в травелоге. Кроме того, можно предположить, что в этом фрагменте продемонстрированы основные (отрефлексированные автором) составляющие элементы структуры образа субъекта повествования, формы авторского самовыражения.

На усложнение функций автора-путешественника указывает в своем исследовании и Д. Р. Гоперхоева при описании «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки как военного травелога: «В его задачу теперь входит не столько познакомить читателя с реалиями другой страны, сколько передать события с различных точек зрения. Поэтому Глинка преподносит свои наблюдения и как непосредственный очевидец событий, и как военный историк <...> он передает свои впечатления о бытовых сторонах жизни в других странах <...> Но даже самые обыденные события рассматриваются им со стороны военного путешественника» [Гоперхоева, 2019, с. 31]. Обращает на себя внимание и указание на принципиальное доминирование позиции военного, офицера в его путевых записках.

На существенное изменение повествования «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки после обработки записей, представленных в походном дневнике, указывает А. Г. Тартаковский. По его мнению, автор травелога не только использует модную в то время эпистолярную форму, но превращает «отрывочно-конспективные» заметки в «литературно отделанное повествование». Воспользуемся указанным в его работе примером подобного сопоставления с целью выявления способов авторского самовыражения. Фрагмент из записной книжки: «Рига. Приезд в Ригу (Митавская дорога вся наводнена: лужи как озера). Обед у маркиза. Подвиги Г. Котляровского; образ войны в Персии. Куз. Вас. Васильев. Клуб Ресурс: человек живого характера сошел бы там с ума от скуки. Ник. Львов. Нефедов» (ЦГАЛИ, ф. 141, д. 19, л. 15). Публикация в журнале «Сын Отечества»: «Рига (поздно к вечеру). Я расстался с любезным спутником моим И. М. Б. в Митаве, и едва дотащился или, лучше сказать, доплыл до наводненной от проливных дождей дороге до Риги. Час за полночь; усталость валит с ног, сон смыкает глаза; едва могу писать на листе: кто я, откуда, зачем и надолго приехал? Это здешний порядок. Днем посмотрю на город, теперь прощай!» (Глинка, 1815, с. 123–124)⁵. В приведенном примере важно обратить внимание не только на очевидную (привнесенную намеренно) диалоговую манеру рассказчика, придуманную им фигуру адресата письма, но и на предельную концентрацию документальной информации (точное указание времени, географического положения, особенностей климата, реальных спутников) в контексте описания личностных переживаний субъекта повествования, доминирование Я рассказчика, его точки зрения в процессе описания объективной реальности. Сопоставление двух текстов наглядно показывает, как «внешняя» информация (объективная, документальная) превращается автором во «внутреннюю» историю существования Я рассказчика. Фрагмент описания состояния путешественника (русского офицера) в Риге содержит показательный риторический вопрос: «кто я, откуда, зачем и надолго приехал?» Такая фигура речи может быть прочитана и как способ авторского самовыражения: как дань сентиментальной традиции (шаблонный литературный прием) и как форма саморефлексии пишущего субъекта.

⁵ Оба фрагмента цит. по: [Тартаковский, 1982].

Типологически к такого рода повествовательной модели, как у Ф. Н. Глинки, относятся многочисленные травелоги, появившиеся в начале XIX в. вследствие участия автора в военных событиях. «Чувствительный путешественник» как наиболее популярный вариант субъекта повествования «подражательных» травелогов «карамзинского канона» уступает место офицеру, воину, выражающему свой субъективный взгляд на событие путешествия, в котором участвовал по службе («не для удовольствия и самопознания»).

Показательным вариантом травелога Ф. Н. Глинки являются, на наш взгляд, «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова. Как и в случае с «Письмами русского офицера», травелог И. И. Лажечникова представляет собой ретроспективно обработанный дневник⁶. В научных исследованиях, каким-либо образом затрагивающих проблему авторства в этих ранних текстах будущего известного романиста, представлены противоречивые комментарии. С одной стороны, его упрекают в излишней литературности (даже шаблонности, подражательности), с другой – утверждается установка на предельную документальность, объективность в передаче информации, что выражается в представлении о полном слиянии «биографического автора» и субъекта повествования. В частности, в работе С. М. Исуповой указан краткий обзор разных оценочных суждений о специфике авторской позиции в «Походных записках русского офицера» И. И. Лажечникова: от номинации «сентиментальный путешественник», ярко выраженной зависимости от сентиментальной традиции [Базанов, 1953] до выделения позиции, близкой писателям преддекабристской литературы [Ильинская, 1969]. В статье С. М. Исуповой также проводится сравнение с «карамзинским канонам» и делается вывод о том, что влияние «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина весьма заметно на протяжении всего повествования записок. В качестве же главного отличия она указывает следующую особенность: «Но если у Карамзина автор и герой не идентичны, то у Лажечникова автор и русский офицер – это одно лицо» [Исупова, 2015, с. 95].

В то же время уже в предисловии к своему травелогу И. И. Лажечников, явно ориентируясь на «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, уточняет специфику точки зрения субъекта повествования: «Автор не посвящал себя совершенно военному делу и для того не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка. Он издает ныне свои записки в виде замечаний простого походного наблюдателя, описывавшего единственно то, что было близко к нему, что он видел, слышал достойного примечания и что находил в кругу своем великого и прекрасного в подвигах русского гражданина и воина» (Лажечников, 1836, с. 2). Предисловие содержит и подробный комментарий об источниках информации, представленной в записках, о последовательности публикаций: «...большая часть моих записок помещена была в известнейших наших журналах и что они заслужили одобрение многих почтенных литераторов. Осталось мне сожалеть (может быть, одному мне) о невозвратной потере, которую я сделал, лишившись, во время курьерской поездки 1817 года, целой огромной тетради с походными записками. Ныне издаю только уцелевшие от этого кораблекрушения, и потому с 16 мая 1813 года предлагаются они отрывками. Сначала думал я заменить мою потерю, предприняв написать новые записки в кабинете моем; но память мне изменяла,

⁶ Такой вывод делает А. Г. Тартаковский, включая записки И. И. Лажечникова в группу произведений, совмещающих в себе черты дневника и мемуаров [Тартаковский, 1982, с. 207-208].

и для того вынужден я был расстаться с начатым трудом» (Лажечников, 1836, с. 2). В автокомментариях обращает на себя внимание нежелание автора как субъекта повествования «написать новые записки в кабинете», что свидетельствует о принципиальной установке на достоверность, на моделирование ситуации письма «здесь и сейчас». Таким образом, принципиальным (осознанным, прокомментированным в тексте) новаторством И. И. Лажечникова становится выбор точки зрения «простого походного наблюдателя», который, с одной стороны, является непосредственным участником описываемых событий, с другой стороны, пытается их описать и оценить извне, дистанцируясь от общей массы.

Интересно, что «Походные записки русского офицера» как опубликованный тревелог имеют свой вариант, представляющий биографический материал о событиях 1812 года – автобиографические записки «Новобранец 1812 года» с подзаголовком «Из моих памятных записок», которые были опубликованы в 1858 г. в полном собрании сочинений автора (Лажечников, 1858). Анализ этого текста дает возможность обнаружить разницу между биографическим автором «Походных записок русского офицера» и русским офицером как субъектом повествования. Выбранная (смоделированная) позиция стороннего наблюдателя записок очевидно контрастирует с точкой зрения рассказчика – автобиографического лица в тексте «Новобранец 1812 года». Это чрезвычайно эмоциональное повествование о личных переживаниях юноши, стремящегося попасть на фронт любой ценой, чтобы быть причастным «роковым событиям» 1812 года. В связи с этим он подробно описывает как раз свою «включенность» в эти события, «внутреннюю» точку зрения, а не внешнюю, участника, противопоставленного наблюдателю. Собственно, нежелание быть только наблюдателем этих событий и заставляет его совершать очень отчаянные поступки: «“Чего бы ни стоило, – сказал я сам себе, – я буду военным, хоть бы солдатом”» (Лажечников, 1858, с. 25). С этим связана и номинация в названии «памятных записок» – «новобранец», которая выражает самоощущение автора, предмет мечты. История о том, как он стал русским офицером, определяет специфику повествования в автобиографических записках И. И. Лажечникова. Финальная их часть фиксирует на документальном уровне получение статуса «новобранца» и его места в военном сообществе: «Счастье мне улыбнулось: начальник 2-й грендерской дивизии, принц Макленбургский Карл, взял меня к себе в адъютанты. Вот как 12-й великий год завербовал меня в свои новобранцы» (Лажечников, 1858, с. 50).

Уже в предисловии к «Походным запискам русского офицера» номинации «автор, сочинитель» характеризуются И. И. Лажечниковым как особые категории, феномен которых комментируется в тексте: «Издавая ныне мои записки, стал бы я напрасно, в извинение их неисправностей, представлять, что я писал их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом со мной войска. Все это могло служить оправданием тем сочинителям, которые, так сказать, на горячем следу прошедшей войны издавали свои походные замечания. В четыре мирные года должен я был иметь время исправить погрешности моего творения; и если читатели сделают над ним строгий приговор, то виноват один автор, а не обстоятельства» (Лажечников, 1836, с. 2). С указаний в предисловии начинает фиксироваться в структуре повествования тревелога процесс моделирования авторской установки, что и позволяет обнаружить дистанцию между «биографическим автором» – реальным участником (новобранцем) военных событий 1812 года, русским офицером, адъютантом принца Карла, и рассказчиком – сторонним наблюдателем, автором путевых записок, пишущим субъек-

том и рассуждающим о том, какие события он будет описывать, с какой точки зрения («не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка»), в какой форме.

Таким образом, травелог И. И. Лажечникова представляет иной вариант типа повествования о военном походе в сопоставлении с «Письмами русского офицера» Ф. Н. Глинки. Элементы «сентиментального канона» выявляют в сознании субъекта повествования совокупность разных точек зрения на военное / историческое событие: в большей степени рассказчик как русский офицер занимает позицию стороннего наблюдателя, не описывает подробности военных баталлий (как это было представлено в травелоге Ф. Н. Глинки), что позволяет выделить иной взгляд на военную ситуацию – мирного жителя, частного человека-путешественника, просвещенного интеллектуала, примеряющего к жизненным ситуациям литературные шаблоны. Маска «сентиментального путешественника», которой активно пользуется рассказчик – русский офицер, позволяет дифференцировать субъекта повествования и биографического автора. Кроме того, точка зрения извне на военные события принципиально меняет и фокус изображения, и логику описания явлений. А сопоставление с автобиографическими записками «Новобранец 1812 года» дает основание утверждать, что в травелоге «биографический автор» и рассказчик не совпадают, приемы беллетризации демонстрируют процесс моделирования субъекта повествования.

Особым примером ретроспективно обработанного путевого дневника являются, на наш взгляд, «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год» И. Т. Радожицкого (1835). Выделенная в названии номинация «артиллерист» свидетельствует, с одной стороны, об особом статусе рассказчика походных записок – младший офицер, подпоручик, человек, приближенный к простым солдатам в большей степени, понимающий все тяготы и проблемы войны, находящийся на передовой, внутри активных боевых действий, с другой стороны, об особом внимании рассказчика к повседневной жизни на войне, к бытовым деталям, «внутренней» точке зрения непосредственного участника события, а не стороннего наблюдателя. И в предисловии рассказчик особое внимание уделяет тому, как нужно описывать военные события, о чем сообщать читателю, с какой целью. Свое авторское «слово» он пытается встроить в общую традицию, соотносит с другими примерами описаний: «Много издано записок, писем, историй о современных происшествиях, и, однако, ещё не всё сказано»; «...могли бы быть полезным материалом для историка и философа»; «воспоминания... дают важные уроки для будущего» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 1–2). Авторские размышления выражают определенную точку зрения на специфику повествования о военных событиях. По мнению рассказчика, надо стремиться к объективности, создавать «истинную историю», беспристрастную, что возможно сделать, только будучи участником описываемых событий: «Но только очевидцы могут излагать достоверно всякие события; и так, известия очевидцев и участников минувшей войны, более или менее, приносят пользу для истории» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 2). Напомним, что подобные рассуждения, выражающие очевидную установку на достоверность описываемых событий, являлись скорее «общим местом» в травелогах начала XIX в. Важно выделить индивидуальный вариант установки пишущего субъекта, который указан в предисловии. Обращает на себя внимание следующее утверждение: «Между тем пусть, в счастливый час, являются записки участников. Каждый из нас смотрел на происшествия своими глазами и мог заметить то, что другой упустил из вида» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 3). Отмечая цен-

ность каждой точки зрения, рассказчик определяет то, что, по его мнению, в большей степени может быть важным для истории: «Не подробности ли частной жизни людей всякого звания объяснят характер, образ мыслей, степень просвещения и нравственность целого народа? Не они ли открывают черты, драгоценные для истории?» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 3). Комментарий о подробностях частной жизни фактически и определяет тот фокус изображения военных событий, который выделяет походные записки Радожицкого из общей массы военных травелогов. Важно указать, что характеристика «частный» встречается и в определении статуса субъекта повествования, что существенно влияет на способ описания и его характер, на отбор материала для изображения собственной точки зрения: «Частному офицеру нельзя распространяться далее своего горизонта; а потому и я касался только предметов, смежных с действием того сильного вихря, в котором сам составлял хотя малейшую пылинку...» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 4). Кроме того, в качестве своеобразного авторского самоопределения можно выделить и рассуждение, в котором объясняется, почему были сделаны записки о военных походах, с какой целью и как потом были изданы. Интересно, что рассказчик как участник военных событий, с одной стороны, рефлексивен процесс создания записок – дневниковых записей, которые он делал в походе, с другой – поясняет, зачем и как издает их, публикует. Для ответов на свои же вопросы он сравнивает себя как пишущего субъекта, автора записок, с другими участниками сражений: «Никто из нас не ожидал... никто не приготовлял тетрадей, чтобы записывать все чрезвычайное на походе; но сделавши привычку от ранних лет писать все замечательное, встречающееся в жизни, я обязан тем материалам, которые ныне послужили мне для начертания четырех достопамятных годов моей жизни» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 4). Таким образом, походные записки Радожицкого позиционируются как повествование от частного лица, отражают повседневные подробности частной жизни на войне. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в записках нивелируется разница между статусом участников сражений («людей всяких званий»), а моделируется автором точка зрения более универсальная, общечеловеческая, авторский голос становится выражением некоего общего голоса, представления о войне как бесчеловечном событии⁷.

Важно отметить, что в записках в большей степени показаны будни военных событий с позиции артиллериста, эта точка зрения выражается с помощью описания войны как работы, как повседневного рутинного дела, снижается героический романтический пафос, характерный для большинства военных травелогов периода 1812 года. В первой части записок рассказчик показан молодым офицером, который осознает сущность военного дела с помощью советов более опытных сослуживцев: в описании возникает контраст между разными точками зрения на войну – мудрого служилого солдата, командира и молодого, часто восторженного, патриотически настроенного офицера, который воспринимает войну через призму шаблонных романтических представлений⁸. Так, в сцене описания первого сражения выделяется образ командира артиллерийской бригады, который, заметив молодого офицера, сидевшего на лафете пушки, добродушно замечает: «Отдыхай, брат, скоро начнется работа» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 53). Через несколько ми-

⁷ Известно, что Л. Н. Толстой в процессе работы над романом «Война и мир» использовал военный травелог И. Т. Радожицкого. Возможно, именно эта особенность походных записок Радожицкого привлекла внимание Л. Н. Толстого и выразилась в структуре образа капитана Тушина (в антинормии «война / мир», концепции «мира» на войне).

⁸ Оппозиция, очень характерная и для ранних военных рассказов Л. Н. Толстого.

нут раскаленное неприятельское ядро насмерть сразит бригадного командира и растопит червонцы в его боковом кармане.

Меняется представление и о российской действительности в сопоставлении с европейским укладом жизни. Общепринятое восхищение Европой, характерное для травелогов начала века, сменяется другой установкой рассказчика в повествовании записок Радожицкого: размышлениями о возможностях своей страны, о необходимости развивать национальное, а не заимствовать чужое. Путешествие в Европу воспринимается молодым дворянином с позиции завоевателя, покорителя, победителя, что выражается в фиксации своего вклада в общее дело.

Эволюционирует и точка зрения рассказчика как пишущего субъекта: если в предисловии он поясняет, что его (очевидца важных исторических событий) частные наблюдения о повседневной жизни будут полезны для истории, то в финале, в заключении, он переходит на другой уровень генерализации. Молодой офицер фиксирует процесс уединения, возвращения к себе: «Но эти шесть недель, после четырехлетнего странствования по Европе, проведенные мной в чулане у кулачного бойца, обратили меня к самому себе. В беседе с музами и науками я не замечал полета времени: книги, литература, рисованье, музыка занимали меня попеременно <...> Я не избегал вечеринок, ни к кому не ходил с визитами, и меня никто не знал. Через это сберег время, мундир и себя» (Радожицкий, 1835, ч. 4, с. 373–374). Такое состояние позволяет ему не только рефлексировать над итогом собственного преобразования, но и делать выводы о необходимости передать свой опыт другим, описать важность и ценность личного, частного для общего. Финальные рассуждения включают как комментарии о содержании записок («что видел, мыслил и чувствовал»), так и описание способа изображения явлений («писал наскоро без приготовления»). Рассказчик намеренно возвращает своего читателя к предисловию, чтобы указать повторы и изменения в позиции пишущего субъекта: «Повторю сказанное мною в начале и подтвержденное опытом, что частная жизнь людей всякого звания открывает современный характер, образ мыслей, степень просвещения и нравы народов. Это полезно для истории. Прощедши два раза вдоль Европы, я участвовал в знаменитых сражениях и видел разные народы; и старался замечать военные происшествия и вникать в нравы людей. Замечания мои передаю соотечественникам без всякого преувеличения хорошего и дурного» (Радожицкий, 1835, ч. 4, с. 374–375).

Такой фокус изображения глобального исторического события позволяет выразить общее и важное для каждого человека, передать универсальное понимание жизни. Об этом свидетельствует итоговая фраза рассказчика: «Мы все странники в здешнем мире. Замечая всё, нас окружающее, научаемся познавать людей и самих себя для приобретения опыта. Этой науки не преподают ни на каких кафедрах – а она необходима для счастья в жизни» (Радожицкий, 1835, ч. 4, с. 375). Экзистенциальный финал превращает всё повествование артиллериста о конкретных военных походах в общечеловеческое философское размышление автора о сущности человека, о роли личности в истории, о месте человека в мире.

Таким образом, военный травелог И. Т. Радожицкого является примером особого типа повествования о военных событиях. Всё «военное» в травелогe становится фактологическим материалом для актуализации ценности «мирного», общечеловеческого, а рутинная «военная работа» обнажает основные недостатки, достоинства, противоречия в характере человека, его представлениях о своей роли в истории, о мире в целом, о себе в этом мире. Масштабное описание жизненного пути героя – участника всех сражений с Наполеоном – позволяет автору за-

писок показать процесс эволюции личности на фоне исторических событий. В аспекте проблемы автора «Походные записки артиллериста» И. Т. Радожицкого, с одной стороны, производят впечатление автобиографического текста, демонстрируют полное слияние «биографического автора» и рассказчика (обилие биографических подробностей, фактов, упоминание реальных исторических лиц – сослуживцев), с другой стороны, представляют модель структуры повествования, в которой пишущий субъект не равен автору. Несмотря на то что рассказчик в предисловии и заключении утверждает о необработанности своих записей, в структуре повествования наблюдаются признаки ретроспективно обработанного текста. Во-первых, пишущий субъект постоянно рассуждает о способе описания событий, его волнуют вопросы, связанные с писательской рефлексией; во-вторых, в структуре повествования выражается смена разных точек зрения на объект описания – опытного военного / молодого офицера, участника событий / стороннего наблюдателя, военного человека / мирного человека; в-третьих, ключевой прием – переход от частного к общему, от повседневного к экзистенциальному – демонстрирует установку не военного только человека, а скорее мыслителя, философа, способного к универсальным обобщениям, желающего зафиксировать свои мысли для читателей.

Обобщая характеристику самых значительных военных тревелогов начала XIX в., следует отметить, что русский офицер как тип рассказчика фигурирует в названиях разных форм путевых записок о войне 1812 года. Совмещающая в себе разные роли – автора, историка, воина, путешественника, разнонаправленные точки зрения на военное событие – внутреннюю (со-участника) и внешнюю (наблюдателя, частного человека), рассказчик «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки в дальнейшем воплощается в разных типах. Так, возникает в военных тревелогах определенная типология субъектов повествования: «сентиментальный русский офицер», патриот, восторженно описывающий подвиги воинов, сражения, торжество русской армии над Наполеоном; «сторонний военный наблюдатель», фиксирующий свое внимание в большей степени на путешествии, реакции мирных людей на военные события, на собственных чувствах и впечатлениях; «частный человек на войне», рефлексирующий о том, как меняет человека историческое событие, как сам человек воздействует своими поступками на ход истории, какое влияние оказывает на человека путешествие в другую страну в роли военного.

Список литературы

Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. 546 с.

Гоперхоева Д. Р. Военный тревелог и его роль в самоопределении русского автора в европейском культурном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 7. С. 29–34.

Ильинская Н. Г. Творчество И. И. Лажечникова и проблема русского исторического романа 1830-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 25 с.

Исупова С. М. Особенности метода, жанра и историзма «Походных записок русского офицера» И. И. Лажечникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 32 (44), ч. 2. С. 94–96.

Пономарев Е. Р. «Письма русского офицера» Федора Глинки как «Путешествие на Запад» // История русской литературы. 2011. № 6. С. 160–190.

Тартаковский А. Г. К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки // Источниковедение отечественной истории: 1981. М.: Наука, 1982. С. 199–207.

Список источников

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера // Сын Отечества. 1815. № 2. С. 123–124.

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции: с подроб. описанием Отеч. и загранич. войны с 1812 по 1815 г.: В 5 ч. М.: Тип. «Русского», 1870. 500 с.

Лажечников И. И. Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836. 286 с.

Лажечников И. И. Новобранец 1812 года // Лажечников И. И. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1858. Т. 1. С. 25–50.

Радожницкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год / Артиллерии подполк. И... Р... [Ч. 1–4]. М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1835. Ч. 1. 296 с.; Ч. 4. 376 с.

ЦГАЛИ. Ф. 141. Д. 19. Л. 15.

References

Bazanov V. G. *Ocherki dekabristskoy literatury* [Essays of Decembrist literature]. Moscow, Khudozh. lit., 1953, 546 p.

Goperkhoeva D. R. *Voennyy travelog i ego rol' v samoopredelenii russkogo avtora v evropeyskom kul'turnom prostranstve* [Military travelogue and its role in the self-determination of the Russian author in the European cultural space]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019, vol. 12, iss. 7, pp. 29–34.

Il'inskaya N. G. *Tvorchestvo I. I. Lazhechnikova i problema russkogo istoricheskogo romana 1830-kh godov* [Creativity of I. I. Lazhechnikov and the problem of the Russian historical novel of the 1830s]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1969, 25 p.

Isupova S. M. Osobennosti metoda, zhanra i istorizma “Pokhodnykh zapisok russkogo ofitsera” I. I. Lazhechnikova [Features of method, genre, and historicism of “Field notes of a Russian officer” I. I. Lazhechnikova]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, 32 (44): in 2 pt. II, pp. 94–96.

Ponomarev E. R. “Pis'ma russkogo ofitsera” Fedora Glinki kak “Puteshestvie na Zapad” [“Letters of a Russian officer” by Fyodor Glinka as a “Journey to the West”]. *Istoriya russkoy literatury*. 2011, no. 6, pp. 160–190.

Tartakovskiy A. G. K izucheniyu teksta “Pisem russkogo ofitsera” F. N. Glinki [To study the text of the “Letters of a Russian officer” by F. N. Glinka]. In: *Istochnikovovedenie otechestvennoy istorii: 1981* [Source studies of national History: 1981]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 199–207.

List of sources

Glinka F. N. Pis'ma russkogo ofitsera [Letters of a Russian officer]. *Syn Otechestva*. 1815, no. 2, pp. 123–124.

Glinka F. N. *Pis'ma russkogo ofitsera o Pol'she, avstriyskikh vladeniyyakh, Prussii i Frantsii: s podrob. opisaniem Otech. i zagranich. voyny s 1812 po 1815 g.: V 5 ch.*

[Letters of a Russian officer about Poland, Austrian possessions, Prussia and France: with a detailed description of the Patriotic and foreign war from 1812 to 1815]. Moscow, Tip. "Russkogo", 1870, 500 p.

Lazhechnikov I. I. Novobranets 1812 goda [Rookie of 1812]. In: *Lazhechnikov I. I. Poln. sobr. soch.: V 8 t.* [Complete collected works: In 8 vols.]. Moscow, 1858, vol. 1, pp. 25–50.

Lazhechnikov I. I. *Pokhodnye zapiski russkogo ofitsera, izdannye I. Lazhechnikovym* [Field notes of a Russian officer, published by I. Lazhechnikov]. Moscow, Tip. N. Stepanova, 1836, 286 p.

Radozhitskiy I. T. *Pokhodnye zapiski artillerista s 1812 po 1816 god. Artillerii podpolk. I... R... (Ch. 1–4)*. [Field notes of an artilleryman from 1812 to 1816. Artillery Lt. Col. I... R... (Pts. 1–4)]. Moscow, Tip. Lazarevykh Int. vost. yaz., 1835, pt. 1, 296 p.; pt. 4, 376 p.

Tsentrал'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva [Central State Archive of Literature and Art]. Fund 141, d. 19, l. 15.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Константинова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Natalia V. Konstantinova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 02.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 20.07.2023
The article was submitted on 02.05.2023;
approved after reviewing on 20.07.2023; accepted for publication on 20.07.2023*